
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE

УДК 347.4

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ УНИАТСКИХ И ФЕДЕРАЛЬНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ СЛАВЯНСКИХ ГОСУДАРСТВ В XII–XVI ВВ.

А. В. СЕРЕГИН¹⁾

¹⁾Южный федеральный университет,
ул. Большая Садовая, 105, 344006, г. Ростов-на-Дону, Россия

Анализируется учение об униатской и федеративной формах государственно-территориального устройства в период классического и позднего Средневековья в качестве специфического феномена крупных славянских держав. Рассматриваются примеры реальных и личных уний Венгерско-Хорватского королевства и Речи Посполитой, а также особенности патримониальных федеративных отношений внутри хорватского государства и Великого княжества Литовского, Русского и Жемойтского. Раскрываются закономерности интеграционных политико-правовых процессов в средневековом славянском мире. Делается вывод об унитарных государственно-территориальных отношениях в Королевстве Польском, являющемся одним из субъектов униатского союза с Литовско-Русским государством. Предлагается именовать средневековые федерации патримониальными федерациями. Отмечается способность к самоорганизации и политическому объединению славянских народов в сложные государственные образования. Доказано, что объединение славянских государств в XII–XVI вв. проходило не только в рамках жесткой централизации государственного механизма, но и с учетом местных особенностей с признанием самой широкой автономии различных общин, городов, княжеств и королевств, объединяющихся в единое союзное государство. Обосновывается возможность использования славянского историко-правового опыта в создании новых объединений славянских государств как в ближайшем настоящем, так и в будущем.

Ключевые слова: славяне; уния; патримониальная федерация; Королевство Хорватия; Королевство Польское; Великое княжество Литовское; государственно-территориальное устройство; Средневековье.

Образец цитирования:

Серегин А. В. Сравнительно-правовой анализ униатских и федеральных объединений славянских государств в XII–XVI вв. // Журн. Белорус. гос. ун-та. Право. 2018. № 1. С. 3–13.

For citation:

Seregin A. V. Comparative legal analysis of the uniate and the federal union of Slavic states in the XII–XVI centuries. *J. Belarus. State Univ. Law.* 2018. No. 1. P. 3–13 (in Russ.).

Автор:

Андрей Викторович Серегин – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета.

Author:

Andrei V. Seregin, PhD (law), docent; associate professor at the department of theory and history of state and law, faculty of law.
andrei-seregin@rambler.ru

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE UNIATE AND THE FEDERAL UNION OF SLAVIC STATES IN THE XII–XVI CENTURIES

A. V. SEREGIN^a

^a*Southern Federal University, 105 Bolshaya Sadovaya Street, Rostov-on-Don 344006, Russia*

Examines the doctrine of the unitarian and federal form of government and territorial structure during the classical and late Middle Ages, as a specific phenomenon of large Slavic nations. Examples of real and personal uny Hungarian-Croatian Kingdom and the Commonwealth, and especially the patrimony of the Federal relations within the Croatian state and the Grand Duchy of Lithuania, Russian and Zhmudskaya. Regularities of the integration of political and legal processes in medieval Slavic world. The conclusion is made about the unitary state-territorial relations in the Polish Kingdom, one of the subjects of the Unitarian union of the Lithuanian-Russian state. We should call a Medieval Federation – the Patrimonial Federations. Noted, the ability to self-organization and political unification of the Slavic peoples in a complex public education. It is proved that the unification of the Slavic states in the XII–XVI centuries took place not only within the framework of a highly centralized state mechanism, but also on the basis of local characteristics with the recognition of the widest autonomy of different communities, cities, principalities and kingdoms, uniting in a single union state. Substantiates the possibility of using Slavic historical and legal experience in the creation of a new union of Slavic states, in the future, and in the near present.

Key words: Slavs; union; the Patrimonial Federation; the Kingdom of Croatia; the Kingdom of Poland; the Grand Duchy of Lithuania; the state-territorial structure; the Middle Ages.

Модели сложной государственной интеграции в рамках федеративных и униатских объединений с сохранением значительной автономии соединяющихся субъектов (общин, княжеств, королевств и т. д.) были характерны для средневековой славянской действительности. Феномен сложных государственных союзов наших предков может стать в XXI в. отправной точкой к единению славянских народов, имеющих огромный политико-исторический и юридический опыт общей государственности. Примером современных интеграционных процессов является создание Союзного государства Беларуси и России [1, с. 6].

В теоретической юриспруденции федеративная форма государственного устройства определяется как сложное союзное государство, состоящее из нескольких юридически равных самостоятельных государственноподобных образований, имеющих свои собственные территориальные органы власти и управления, подчиненные суверенитету федерации [2, с. 54]. В условиях Средневековья федеративные политические объединения носили племенной (кровнородственный) или патримониальный (земельновладельческий) характер.

Племенные федерации образовывались в эпоху раннего Средневековья (V–XI вв.) – например, держава Само (IX в.) и государство Великая Моравия (822–907). Исследование их государственно-территориального устройства требует отдельного рассмотрения и не входит во временные рамки настоящей работы.

Не менее сложную проблему учения о государственном устройстве представляет собой униатская форма государственного единства, присущая исключительно монархиям. «Уния, – пишет И. А. Иванников, – это союз двух и более государств под властью

единого главы государства, где субъектами международного права являются эти государства, а не уния» [3, с. 89].

Данное определение нуждается в уточнении со ссылкой на то, что такое государственное единство образуется за счет совмещения корон нескольких держав в лице одного венценосца. Такой подход господствовал в дореволюционной российской юриспруденции. По этому поводу Н. М. Коркунов писал: «Уния есть соединение двух государств в силу того, что монархом у них одно и то же лицо, в силу единства личности монарха» [4, с. 157]. Примером может служить Польско-Литовская уния (1386–1569).

Государства, объединенные унией, остаются вполне независимыми друг от друга, каждое сохраняет свою особую, самостоятельную государственную власть. У них практически нет совместных предметов ведения и полномочий, как у федераций. Все ограничивается тем, что власти обоих государств имеют одного и того же главу государства – монарха, который не является правителем унии, а только государем каждой из держав, составляющих ее. В своем лице венценосец соединяет несколько суверенных властей, но осуществляет каждую из них через посредство особых органов. Такое единство неизбежно приводит к некоторой общности политической жизни, ведь один и тот же монарх не может вести войну с самим собой, поэтому государства, составляющие унию, находятся в мире друг с другом. Они солидарны на международной арене, у них обычно имеется единая организация иностранного представительства, т. е. общие дипломатические агенты, объединенное министерство иностранных дел. К этому может иногда присоединяться совместная военная и финансовая организация.

В теории также выделяют личную, или персональную, и реальную унии. «Личной унией называется соединение, основанное на временном единстве монарха, в силу случайного совпадения в его лице прав на престол двух различных государств», – пишет Н. М. Коркунов [4, с. 158]. Личная уния по своей сущности представляла собой монархическую конфедерацию.

«Уния реальная предполагает постоянное единство монарха и, следовательно, одинаковый порядок престолонаследия» [4, с. 158]. Например, Венгерско-Хорватская уния (1102–1526).

Относительно этого государства стоит сказать, что его хорватская часть имела весьма сложную структуру, разделенную на жупании и области, которыми управлял бан. По мнению Ф. И. Леонтовича, хорватская земля представляла собой «федерацию жупаний» [5, с. 2], состоящую из 14 отдельных жуп. Из них 11 союзов общин непосредственно зависели от великого жупана – племенного главы или старшины хорватского народа. К таковым относились следующие жупы: Гливно, Цетина, Имота, Плева, Везента (в Боснии), а также Приморье, Брибир, Нона, Книн, Сиграга и Нина (непосредственно в хорватской части). Остальные хорватские жупы – Крбава, Литза и Гадска – составляли отдельное владение, подчиняющееся банам, под формальным главенством великого жупана.

Со времен Звонимира (правил с 1076 по 1089 г.) хорватские земли стали дробиться на крупные части – банатства (*Croatia, Bosnia, Slavonia, Posiga* (или *Pozega*), *Podrma, Albania* и *Srema* (или *Rama*)), превосходящие по своим размерам старые жупы. Вместе с тем каждая область по-прежнему сохраняла жупное управление. Дробная система хорватских жуп лишь формально представляла собой единую политическую систему. Фактически баны и жупаны боролись не только между собой, но и с хорватскими королями за обладание суверенной властью в пределах своих владений [5, с. 2–3]. По словам летописца, в каждой из подвластных ему областей король «поставил бана, т. е. воеводу из своей кровной братии, и жупанов, т. е. комитов, и сотников (сатников. – Прим. авт.) – центурионов из благородных людей тех областей. Каждому же бану, т. е. воеводе, дал власть над семью подчиненными сотниками, которые должны давать половину королю, а половину оставить себе. Комитам, т. е. жупанам, велел иметь под собой одного сотника, который с ними таким же способом будет судить праведно народ; две же трети дани комиты, т. е. жупаны, отдать королю, а одну треть оставить для своих нужд; банам, т. е. воеводам, которые не должны давать отчет, но каждый человек должен исполнять свою повинность и быть под управлением жупана тех самых областей и округ. Они же должны отчитываться только перед королем» [6].

Следовательно, средневековое хорватское государство не представляло собой единого централизованного политического образования. Процесс объединения славянских племен в единый хорватский народ протекал крайне медленно [7, с. 17]. Поскольку страну пересекала гористая местность, это приводило к изоляции отдельных территорий. Кроме того, соседняя Германия поддерживала феодальные порядки, Венеция же, наоборот, покровительствовала самоуправлению далматских городов. Например, общины загребской области возглавлялись старшинами – *majores* и *jobagiones*. Городские старшины носили название *majores civitatis*, а сельские – *jobagiones de villis*. Избирались они общинами. Название *jobagiones* было воспринято загребским законодателем из венгерского права, оно аналогично славянскому термину «господа».

Полицкий статут [8, с. 134–185] (далее – ПС) называет Полицу (одну из самоуправляемых общин Хорватии) терминами *жуна, опћина, опћина жупская, опћина полицкая, полићань*. Иногда вся полицкая округа называется *опћина жуна полицка*. Полицкая жупа представляла собой союз небольших территориальных общин – катуней и сел.

В законе 1662 г. 12 катуней перечислены в следующем порядке: Доени Доц, Горени Доц, Костаени, Звечаен, Чичла, Гата, Дуброва, Ситное, Сриенин, Дуче, Еесенице и Пострана. В состав некоторых катуней входило несколько сел. Так, катунь гатский состоял из сел Гата и Накелице (приселка); катунь дичский – из Дуче и Труше; катунь горный – из Горного Доца, Трибушан, Сриеан и Путишечан, катунь констанский – из Костаен и Смолоен [9, с. 59].

Катуни – это сельские общины с исключительно земледельческим характером. Села имели во владении и пользовании свои отдельные земли (пастбища, лесные угодья, пашни и т. д.), которые совокупно принадлежали всей полицкой общине. Законодатель допускал возможность изменения границ между членами общины с использованием жребия. Исключение составляли испаши (пастбища), которые не подлежали дележу и всегда оставались в безраздельном обладании общины. Общность могла иметь место не только среди членов одной общины, но и между «сумежными, сусидними» селами, в особенности по вопросам владения и пользования лесами и пастбищами (ст. 95–120, 170–173, 187, 201, 202, 204–207, 241 и т. д. ПС).

Община состояла из соседей и дионников, или глав. С того момента, когда отдельные лица вступали в союз дионников, целая община и ее отдельные члены обязывались защищать друг друга и нести коллективную ответственность за проступки своих соратников (ст. 47, 52, 53, 57, 58, 65, 247, 256 ПС).

Полицкие общины, аналогично винодольским, представляли собой самоуправляемые политико-экономические и духовные союзы.

Решающим политическим событием после смерти короля Свинимира, последнего из династии Крышмировичей, не оставившего наследников [10], стало заключение в 1102 г. унии, на столетия закрепившей включение хорватских земель в состав Короны святого Стефана – Венгрии. Такой выбор был неслучаен, поскольку соседняя Угрия в начале XII в. представляла собой разноплеменное мадьярско-славянское государство, в котором славяне и венгры приравнивались в правах [11, с. 1]. Весьма активно во внутривенгратские дела стал вмешиваться венгерский король Ладислав (Владислав) Святой (1046–1095), матерью которого являлась Рыкса, дочь польского короля Мешко II, давшая правителю Угрии славянское имя [12].

Вместе с тем Хорватия сохранила статус королевства, обладающего полной автономией. В 1868 г., когда хорватские земли вошли в состав Австро-Венгрии, Ф. И. Леонтович писал: «Союз хорватской земли с Венгрией имел характер Personalunion. Хорваты вошли в союз с венграми только вследствие добровольного признания одних и тех же государей, не сливаясь с ними в одно цельное государство. Самостоятельное положение удерживали хорваты до позднейшего времени, не испытали такого сильного внешнего гнета и таких глубоких потрясений и переворотов в народной жизни, каким подверглись сербы под игом турецким или славяне балтийские, подавленные господствующей немецкой “культурой и цивилизацией”» [5, с. 2].

В период между 1526 и 1538 гг. в Хорватии разразилась феодальная междоусобица, что ослабило страну перед военным вторжением турок. Так, в 1526 г. османский протекторат был признан Дубровником, а в 1538 г. турки захватили стратегически важную крепость Клис в Хорватском Приморье.

В течение последующих десятилетий XVI в. османская экспансия продолжилась: уже к середине столетия от Хорватии австрийские Габсбурги сохранили только то, что современники называли «остатками остатков» [13, с. 498].

Ко второй половине X в. сложилось раннесредневековое польское государство, в котором отношения между князем и дружиной строились на основе вассалитета без ленов. При сыне Мешко II Болеславе I Храбром (992–1025 гг.) дружинники, число которых достигало трех тысяч, стали получать земли в державе за службу. В те же десятилетия происходило оформление государственного аппарата. В территориальном отношении страна была поделена на округа, во главе которых князь ставил своих наместников. Более мелкими административными единицами руководили начальники крепостных гарнизонов – каштеляны. С победой феодального строя в Польше все сильнее становились тенденции к децентрализации. Процесс феодального раздробления, подготовленный экономическим усилением

отдельных областей страны и упрочением позиций местной знати, которая теперь располагала достаточной мощностью для подавления сопротивления крестьянства, восторжествовал в XII в. В 1138 г. Королевство Польское было поделено на уделы между сыновьями Болеслава III. Установленный Болеславом принцип первенства отводил старшему наследнику в княжеском роду место великого князя, чей удел протянулся полосой от Балтики до Карпат, включая древнюю и новую столицы государства – Гнезно и Краков. Однако великокняжеская власть над братьями и племянниками слабела. В XIII в. ее вовсе перестали признавать, а распад углублялся, и число уделов росло. Пышно расцвели налоговые, судебные, административные иммунитеты светской и духовной знати. Именно в период с XII по XIV в. выросла политическая и общественная роль церкви, что подтверждается ростом завещательных отказов на помин души в отношении католических приходов и монастырей [14, с. 10–11].

Удельные княжества делились на ополья, состоящие из одной или нескольких деревень. Ополья могли объединяться в каштелянии – военно-административные и судебные единицы [15, с. 97] (ст. XXIII «Польской правды» [16, с. 47–56] – далее ПП). Во главе каштелянии стоял каштелян, по поручению князя выполняющий судебные и военные функции.

Если был найден труп и преступник неизвестен, то хозяин призывает ополье и обвиняет его в убийстве; и если ополье не может снять с себя вины, то должно уплатить пеню за убитого (ст. VIII, X ПП). Данный институт равноценен дикой вире «Русской правды».

Деревня, так же как и ополье, составляла одну административно-территориальную единицу, обремененную известными обязанностями по отношению к государству.

Во-первых, если ополье не признавало себя виновным, то оно могло указать деревню, которая неслала штрафное бремя, при условии, что не был определен виновный род (ст. VIII, X ПП). Во-вторых, деревня выполняла полицейскую функцию по преследованию преступника в целях его поимки и передачи в суд (ст. VIII ПП).

С точки зрения М. М. Винавера, ополье пользовалось правами самоуправления: выбирало старосту, разбирало споры между деревенскими жителями и принимало в отношении общего быта обязательные решения [15, с. 105–107].

В княжествах также действовали судьи и коморники. Роль последних сводилась к приглашению ответчика в суд [15, с. 101].

Десятники выполняли функции сборщиков княжеских налогов в размере одной десятой урожая в казну правителя. Они должны были присутствовать при уборке хлеба и определять количество

натуральных отчислений крестьян в княжеские закрома (ст. XIV ПП).

Средневековое польское законодательство говорит о володарях, обязанных наблюдать за государственным или частным имуществом (ст. IV ПП).

Вместе с тем удельные княжества в правосознании современников считались подвластными польской короне, несмотря на наличие признаков суверенитета. Особенно это можно представить на примере Мазовии, составившей относительно независимое политическое образование около 1199 г. [17, с. 39]. Например, при вступлении в ленные отношения к Чехии мазовецкого князя Вячеслава король Иоан, имевший притязания на ляшский престол в акте infeодации Мазовии, именовался титулом *Boemi et Poloniae Rex* [17, с. 39].

Кроме того, первоначально поземельная собственность и политическая власть мазовецких князей, так же как и иных феодалов Европы, сосредоточивались в единых руках сюзерена. Поэтому власть принимала частный хозяйственно-правовой отпечаток, когда к поземельной собственности прибавлялись политические права. Вследствие этого частные собственники земли считались не только реальными держателями почвы и ее производительных сил, но и господами и судьями обрабатывающих ее лиц. «Наряду с этим князья старались закрепить за собой монопольные привилегии на охоту в лесах и сбор меду в бортях» [17, с. 39].

Внешняя угроза со стороны крестоносцев заставила польскую знать не только консолидироваться вокруг королевской власти внутри государства, но и пойти на униатский союз с мощным военным соседом – Литвой. С конца XIV в. польско-литовские союзнические отношения постепенно стали укрепляться [18, с. 53]. В 1385 г. в замке Крево (в настоящее время поселок Сморгонского района Гродненской области Республики Беларусь. – Прим. авт.) между послами Польши и князем витебским Яковом Андреевичем, который в исторической литературе известен под языческим именем Ягайло, было заключено соглашение о его женитьбе на польской королеве Ядвиге и союзе (унии) двух стран во главе с единым государем [19, с. 22]. Этот союз привел к кардинальным изменениям в политике указанных государств. История народов Беларуси, Литвы, Украины и Польши на протяжении 400 лет находилась под влиянием этого события. По мнению доктора юридических наук профессора Белорусского государственного университета И. А. Юхо, Кревская уния «асабліва карыснай была для Польшчы, бо менавіта дзякуючы уніі яна была выратавана ад поўнага анямечвання, якое ў XIV ст. было такім моцным, што пры каралеўскім двары і нават ва ўсіх буйных гарадах нямецкая мова і права сталі дзяржаўнымі» [19, с. 22]. И действительно, немец-

кое засилье особенно возрастает во время правления Казимира III, который в 1335 г. передал во владения германцев Силезию, а в 1343 г. – Тевтонскому ордену польское Поморье и ряд других территорий. Преемником Казимира III стал венгерский король Людовик из дома Анжу, который сам неоднократно участвовал в разбойничьих походах крестоносцев против Беларуси и Литвы. Он же в 1380 г. назначил правителем Польши немца – мужа своей дочери – Сигизмунда Люксембургского, который с 1411 г. стал императором Священной Римской империи. Положение усугубилось в 1384 г., когда Ядвига, дочь короля Венгрии Людовика, стала королевой Польши. К этому времени она была обручена с Вильгельмом Габсбургом Австрийским. Появилась угроза того, что Польша попадет в руки Габсбургов. Это было вполне реально, так как сама Ядвига с семи лет воспитывалась при венском дворе [20, с. 209].

В целях сохранения суверенитета страны польские феодалы, учитывая влияние народных масс Польши, вынуждены были пойти на разрыв соглашения с Вильгельмом Австрийским и приняли решение о переговорах с великим князем литовским Ягайло о его женитьбе на королеве Ядвиге и союзе двух государств. Союз Великого княжества Литовского, Русского и Жемойтского (ВКЛ) и Польши в тех исторических условиях был выгоден обоим государствам и всем народам Восточной Европы, поскольку позволял объединить силы для сдерживания германской агрессии, а также для установления устойчивых хозяйственных и политических связей.

Условия Кревского соглашения до настоящего времени не стали достоянием гласности. Документы о Кревской унии 1385 г. находились в Краковском архиве и впервые были опубликованы в книге С. Кутшебы и В. Семковича «Акты унии Польши с Литвой 1385–1791 гг.», изданной в Кракове в 1932 г. Согласно содержанию опубликованных документов Ягайло за честь стать мужем королевы Польши Ядвиги обещал использовать все свои материальные ресурсы на благо Польши, выплатить 200 тыс. флоринов Австрии, гарантировал своими средствами и стараниями вернуть Королевству Польскому все земли, которые были утрачены Польшей, освободить из плена всех христиан (т. е. всех крестоносцев и поляков), а также присоединить все свои земли к Польше.

Недоверие в содержании данного документа вызывает тот факт, что в договоре фигурируют только обещания Ягайло, однако само обещание не имеет юридической силы. Достоверно известно, что Ягайло не знал латинского языка. Следовательно, нельзя не согласиться с мнением профессора И. А. Юхо о том, что Ягайло не мог подписать договор на непонятном языке. При этом ученый

отмечал, что «сама форма документа не соответствовала юридической форме международного договора того времени» [21, с. 6]. Дальнейший ход исторических событий подтверждает, что ни Ягайло, ни Скиргайло, ни Витовт не считали Великое княжество Литовское частью Польши и проводили самостоятельную внешнюю политику. Польская политика, которая наблюдалась во времена правления королей Казимира III и Людовика Анжуйского, соответствовала интересам римской курии и Тевтонского ордена. С того времени как Ягайло стал королем, он начал проводить политику в интересах Великого княжества Литовского, что в конечном итоге способствовало победе объединенных войск Королевства Польского и Великого княжества Литовского, Русского и Жемойтского над крестоносцами под Грюнвальдом в 1410 г., которая на 500 лет остановила попытки германского воинства в отношении захватов территории проживания восточных славян. При этом следует отметить, что Ягайло не передал Польше государственную казну Великого княжества Литовского и не выплатил 200 тыс. флоринов Австрии, а главное – не присоединил земли ВКЛ к польскому государству. Сразу же после вступления на польский трон Ягайло передал великокняжеские полномочия своему брату Скиргайло, а затем Витовту, что являлось свидетельством самостоятельного статуса Великого княжества Литовского как государства в союзе с Польшей. Это дает нам основание считать акты Кревской унии фальсификацией, которую инициировала польская сторона. Ягайло выполнил свое обещание только относительно крещения населения Беларуси и Литвы по католическому обряду. Вполне вероятным может быть тот факт, что других обещаний он и не давал. На это указывали в своих работах М. К. Любавский и И. А. Юхо [22, с. 598; 19, с. 22]. В частности, феодальная знать Великого княжества Литовского неоднократно выступала против фальсификаций авторов польских летописей и хроник. В 1559 г. на Виленском сейме был поднят вопрос о ложных сведениях в польских хрониках, и государь вынужден был потребовать внести изменения в их содержание. На Люблинском сейме 1569 г. также поднимался вопрос о подлинности документа Кревского соглашения 1385 г.

Люблинская уния 1569 г. объединила польскую корону с Великим княжеством Литовским, Русским и Жемойтским в единую державу. Магнаты и шляхта – в данном отношении будучи едиными – давно старались подчинить Польше ВКЛ. Замена идущей от XIV в. династической унии тесным союзом этих двух государств при гегемонии польских магнатов должна была открыть им двери в украинские (малороссийские) и белорусские земли. Люблинская уния реализовала этот замысел. И хотя даже после

1569 г. каждая из двух частей образованного единого государства – Речи Посполитой – сохранила свою администрацию, суд, войско и казну, объединение продвинулось далеко вперед. Наряду с общим монархом действовал общий сейм. Единой стала внешняя политика. Хорошо известны печальные последствия Люблинской унии для малороссийского (украинского, или русинского) и белорусского народов: усилился феодальный гнет, помноженный на гнет национально-религиозный. Для самой же Польши уния обернулась резким усилением могущества знати: в Литве, на Украине, в Беларуси были расположены огромные латифундии Радзивиллов, Острожских и других знатных родов; к ним вскоре присоединились обширные владения, захваченные в украинских степях Потоцкими и иными польскими магнатами.

В сфере государственно-территориального устройства Литовско-Русское государство, являясь субъектом Речи Посполитой, носило характер федерации областей и земель, сохранявших свое особое областное устройство и объединенных лишь верховной властью государя – великого князя и его панов-рады. Собственно Литва (с примыкавшей к ней территорией Западной Беларуси) разделялась (после Городельского привилея 1413 г.) на два воеводства – Виленское и Троцкое [23, с. 77–88]. С юга и востока к этой основной области примыкали несколько удельных княжеств Полесья, Чернигово-Северской земли и области верхней Оки, которые были автономными политическими общинами. Особое положение в административном отношении занимали крупные земли («аннексы»), присоединившиеся (добровольно или вынужденно) к Великому княжеству Литовскому: Жемойтская, Полоцкая, Витебская, Смоленская (до 1514 г.), Киевская, Волынская, а также Подляшье и Подолье. После того как при Витовте были упразднены крупные областные княжения, этими землями управляли назначаемые государем наместники [24, с. 195].

Органами областного самоуправления являлись областные сеймы, сменившие древние вече киевской эпохи. В этих сеймах принимали участие местные землевладельцы и горожане («мещане»), последние – в лице своих представителей. Однако чем дальше, тем больше землевладельческая шляхта играет на областных сеймах преобладающую роль и превращает их в свои сословные органы, отделяясь от мещанства.

Помимо высших областных правителей, воевод [25, с. 6–7], функции органов местной администрации исполняли назначаемые государем наместники-державцы [23, с. 370–373], являвшиеся, с одной стороны, органами хозяйственного и финансового управления в обширных господарских имениях, а с другой – судебными и административными органами для бояр-шляхты, населения

господарских имений и мещан непривилегированных мест (городов) [26, с. 155].

В эпоху Ливонской войны (1558–1583) и перед заключением Люблинской унии 1569 г. с Польшей местное управление в Великом княжестве Литовском было перестроено по польскому образцу [27, с. 364–365]. Реформы 1564–1566 гг. ввели новое административное деление государства на 13 воеводств, подразделявшихся на 31 повет. Для управления новыми округами были созданы должности пяти воевод и каштелянов [28, с. 19–20].

Воеводы были главными военными начальниками в своих округах и главными судьями по важным уголовным делам. Кроме них, военными начальниками были каштеляны, а также маршалки [29, с. 1–3] и хоружие поветовые.

Судебную власть осуществляли особые «судовы старосты» [30, с. 20–22]. В качестве гражданского трибунала для шляхты в каждом повете был учрежден земский суд из судьи, подсудка и писаря, назначаемых господарем из числа выбранных местной шляхтой кандидатов.

Учитывая значение торговли и промышленности для национального и государственного хозяйства и стремясь поощрять их развитие, литовское правительство с конца XVI в. стало предоставлять городскому населению более значительных мест городов самоуправление в форме Кульмского [31, с. 370–377] и Магдебургского [32] права по немецко-польскому образцу. Первым Магдебургское право получил Вильно (1387 г.), затем в XV в. оно было распространено на Троки, Берестье, Ковно, Луцк, Кременец, Владимир, Полоцк [33, с. 232–234], Киев, Минск и Новгородок. В XVI в. его получили и другие, менее крупные города [34, с. 332]. В 1572 г. Шкуды (Иоганнисбург) стал пользоваться Кульмским правом [35, с. 145]. Получившие Кульмское или Магдебургское право города освобождались от суда и управления общей администрации (воевод, старост и наместников-державцев), а также от исполнения рабочих повинностей. Они вносили в господарскую казну ежегодную плату, а в распоряжение городского управления поступали городские земли и угодья, разные доходные статьи и предприятия (городские весы, бани, мельницы, мануфактурные магазины) и т. д., а также разного рода торговые пошлины и сборы. Кроме платы господарю, города должны были нести и военную повинность, выставляя в случае необходимости известное количество ратников из мещан. Некоторым городам короли Речи Посполитой жаловали особые привилегии. Так, в 1592 г. Каменец-Литовский был освобожден от платежа подводной повинности [36, с. 147].

Во главе русско-литовского городского управления стоял войт, который первоначально назначался господарем, с правом распоряжаться своей

должностью (отчуждать или передавать по наследству) [37, с. 10–11]. Однако с течением времени города выкупили наследственные войтовства, и эти должности стали выборными. Войт сообща с населением места избирал советников в количестве 6, 12 или (как в Вильно) 24 человек, а радцы избирали из своей среды бурмистров на год – двух, четверых или шестерых: половину «римского закона» (т. е. католиков) и половину «греческого» (т. е. православных). С этими бурмистрами войт вел все дела в городе – судебные, административные и хозяйственно-финансовые [38, с. 143–148].

Вторжение московских войск в Ливонию и страшное опустошение ими страны вынудили ее просить помощи Великого княжества Литовского и отдаться под его протекторат. В результате ВКЛ вступило в тяжелую и продолжительную борьбу с Москвой. Борьба эта потребовала от Литовско-Русского государства крайнего напряжения военных и финансовых сил. В 1563 г. московские войска взяли Полоцк, и правительство Сигизмунда Августа увидело невозможность справиться с Москвой собственными силами. Внутри страны оно вынуждено было пойти навстречу сословно-политическим интересам литовско-русской шляхты, требовавшей равенства с польскими панями, но помимо этого, ему необходима была военная помощь извне, и оно вынуждено было начать переговоры с Польшей об унии. Рядовая литовско-русская шляхта теперь желала унии как единственного выхода из своего положения, единственного средства к облегчению себе несносных обременений войны.

На общем Люблинском сейме 1569 г. первоначально возникли острые споры и разногласия между поляками и литовскими послами, поэтому последние покинули Люблин. После этого поляки, сознавая свою силу и видя бессилие Литвы, принудили Сигизмунда Августа королевскими «универсалами» объявить аннексию (которая была названа «возвращением» Польше) Подляшья, Волыни, Киевщины и Подолии [39, с. 1–17]. Литовцы были вынуждены капитулировать, их послы возвратились в Люблин, и 1 июля 1569 г. был подписан акт унии, согласно которому Великое княжество Литовское и Королевство Польское составляли одну Речь Посполитую с общим, совместно избираемым господарем, общим сенатом и сеймом и сообща вели внешнюю политику.

В реальности Великое княжество Литовское, Русское и Жемойтское и после Люблинской унии 1569 г. не слилось с Польшей в одно государство, а сохранило в значительной степени свою государственную особенность и самобытность. Так, собирались особый литовский сенат (паны-рада) и сейм, функционировали автономные правительственные должности («уряды»), собиралось отдельное войско и издавались свои законы (например,

в 1588 г. был издан третий Статут ВКЛ, по-прежнему на русском языке).

Однако Люблинская уния оказала значительное влияние как на внутренний строй и быт, так и на внешнее положение Великого княжества Литовского, Русского и Жемойтского. Новое устройство правительственных органов в ВКЛ было создано в 1564–1566 гг. всецело по польскому образцу. Шляхта Великого княжества Литовского в социально-политической жизни страны стала таким же господствующим сословием, каким она была в Польше. Постепенно русская элита ополячилась.

Более того, передача четырех обширных и важных областей ВКЛ в пользу польской короны (около половины всей территории) чрезвычайно ослабила литовско-русскую государственность, лишив ее самостоятельного значения в международно-политических отношениях.

Подводя итог сказанному, необходимо сделать ряд выводов.

Во-первых, средневековые польское, хорватское и Литовско-Русское государства для защиты от внешних врагов политически стремились войти в унияские союзы. Хорватия в 1102 г. на правах персональной унии объединилась с Венгерским королевством, а Польша с 1569 г. возглавила унию с Великим княжеством Литовским, Русским и Жемойтским.

Во-вторых, внутреннее государственно-территориальное устройство средневековой Хорватии

и Великого княжества Литовского, Русского и Жемойтского представляло собой патримониальную федерацию самоуправляемых территорий: в первом случае сельских общин – жуп и далматинских городов, а во втором – княжеств, земель и городов.

В-третьих, Королевство Польское, являющееся с 1569 г. субъектом Речи Посполитой, в своем внутреннем управлении выступало в качестве единого унитарного государства, преодолевшего период феодальной раздробленности.

В-четвертых, существование сложных государственных славянских союзов в XII–XVI вв. доказывает, что славянские народы способны к созданию самобытных держав не на началах жесткой централизации, а с признанием широкой равноправной политической автономии субъектов, входящих в состав средневековых уний и федераций.

В-пятых, исторический опыт славянской политико-правовой интеграции позволяет говорить о необходимости и возможности образования новых союзных держав братских народов как в настоящем, так и в ближайшем будущем. Вероятно, такие содружества будут носить добровольный конфедеративный характер с общей тенденцией к федерализации.

В-шестых, государственно-правовые закономерности интеграционных процессов славянских держав и народов в различные исторические периоды должны стать одним из важнейших направлений исследования юридической славистики.

Библиографические ссылки

1. Договор о создании Союзного государства 2000 г. // Рос. газ. 2000. 29 янв. С. 2.
2. Киселёва А. В., Нестеренко А. В. Теория федерализма. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2002.
3. Иванников И. А. Теория государства и права. Ростов н/Д. : Изд-во Рост. ун-та, 2001.
4. Коркунов Н. М. Русское государственное право. 8-е изд. СПб., 1914. Т. 1: Введение и общая часть.
5. Леонтович Ф. И. Древнее хорватско-далматинское законодательство. Одесса, 1868.
6. Летопись Попа Дуклянина [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus6/Dukljanin/frameset.htm> (дата обращения: 01.12.2016).
7. Зигель Ф. Ф. История славянских законодательств : курс лекций, читанных в Императорском Варшавском университете в 1913–1914 : в 2 ч. Варшава, 1914. Ч. 1 : История чешского права; ч. 2 : История польского права.
8. Полицкий статут (XV в.) // Серегин А. В. Собрание памятников древнеславянского права : в 4 т. Ростов н/Д. : Изд-во Юж. федер. ун-та, 2014. Т. III : Средневековое законодательство южных славян.
9. Смирнов И. Очерк истории хорватского государства до подчинения его угорской коронѣ. Казань, 1879.
10. Фома Сплитский. История архиепископов Салоны и Сплита [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus8/Split/frameset3.htm> (дата обращения: 01.12.2016).
11. Грот К. Изъ истории Угрии и Славянства въ XII вѣкѣ (1141–1173). Варшава, 1889.
12. Венгерский хроникальный свод [Электронный ресурс]. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Chr_Hung_Pictum/frameset1.htm (дата обращения: 15.12.2016).
13. История государства и права славянских народов / авт.-сост. И. Н. Кузнецов. М. : Новое знание, 2004.
14. Ермолович В. И. Наследование по завещанию в праве Древнего мира и стран средневековой Европы // Журн. Белорус. гос. ун-та. Право. 2017. № 1. С. 3–13.
15. Винавер М. М. Изслѣдованіе памятника польскаго обычнаго права XIII вѣка, написаннаго на нѣмецкомъ языкѣ. Вопросъ о происхожденіи и систематическое изложенеіе содержанія. Варшава : Тип. К. Ковалевского, 1888.
16. Польская правда XIII в. // Серегин А. В. Собрание памятников древнеславянского права : в 4 т. Ростов н/Д. : Изд-во Юж. федер. ун-та, 2014. Т. IV : Средневековое законодательство западных славян.
17. Душин К. О мазоветском правѣ : магист. дис. Варшава, 1876. Ч. I : Введение, государственное, гражданское и уголовное право.

18. Довнар Т. И. Этапы и особенности в развитии законодательства Великого Княжества Литовского // Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества : сб. науч. тр. / отв. ред. проф. В. Н. Карташов. Ярославль : Ярсл. гос. ун-т, 2015. Вып. 14. С. 46–73.
19. Юхо Я. А. Крэўская ўнія // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. 1985. № 4. С. 34–39.
20. Юхо Я. Уніі Вялікага княства Літоўскага з Польшчай // Польшча. 1972. № 1. С. 207–226.
21. Юхо Я. А. Міжнародныя дагаворы сярэднявечнай Беларусі // Беларус. гіст. часоп. 2004. № 11. С. 3–11.
22. Любавскій М. К. Литовско-Русскій сеймъ. М., 1901.
23. Любавскій М. К. Областное дѣленіе и мѣстное управление Литовско-Русскаго государства ко времени изданія перваго литовскаго статута. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1892.
24. Серегин А. В. Юридическое исследование государства и права Древней Руси : монография. Ростов н/Д. : Изд-во Юж. федер. ун-та, 2014.
25. Привилей пану Миколаю Миколаевичу Радивиловича на воеводство Виленское и канцлерство великаго князства Литовскаго до живота его милости 1510 г. // Малиновскій И. Сборникъ материаловъ, относящихся къ исторіи пановъ-рады Великаго Княжества Литовскаго. Томскъ, 1901.
26. Леонтович Ѡ. И. Очерки исторіи Литовско-Русскаго права. Образование территоріи литовскаго государства. СПб., 1894.
27. Привилей 1565 г. о введеніи земскихъ судовъ и повѣтовыхъ сеймиковъ по польскому образцу // Любавскій М. К. Очеркъ исторіи Литовско-Русскаго государства до Люблинской уніи включительно. Съ приложеніемъ текста хартій, выданныхъ Великому князству Литовскому и его областямъ. 2-е изд. М., 1915.
28. Привилей пану Петру Станиславовичу на каштелянство Троцкое 1532 г. // Малиновскій И. Сборникъ материаловъ, относящихся къ исторіи пановъ-рады Великаго Княжества Литовскаго. Томскъ, 1901.
29. Привилей пану Ѡедору Янушевичу на староство Луцкое и маршалковство Волинское земли до живота его 1507 г. // Малиновскій И. Сборникъ материаловъ, относящихся къ исторіи пановъ-рады Великаго Княжества Литовскаго. Томскъ, 1901.
30. Привилей пану Петру Станиславовичу на староство Жомоитское 1532 г. // Малиновскій И. Сборникъ материаловъ, относящихся къ исторіи пановъ-рады Великаго Княжества Литовскаго. Томскъ, 1901.
31. Кульмская грамота. Вторая редакция (1 октября 1251 г.) // Рогачевскій А. Л. Очерки по истории права Пруссии XIII–XVII вв. : по материаламъ рукоп. собр. Берлина и Санкт-Петербурга. СПб., 2004.
32. Записи Магдебургскаго права XIV в. [Электронный ресурс]. URL: www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Germany/XIV/Magdeburg_recht/text.phtml?id=5769 (дата обращения: 27.04.2017).
33. Привилегія короля Стефана, данная городу Полоцку на Магдебургское право 1591 г. // Акты, издаваемые археографическою комиссіею, высочайше учрежденною въ Вильнѣ. Вильно, 1875. Т. VIII : Акты Виленскаго гродскаго суда.
34. Универсалъ короля Сигизмунда III о сохраненіи и поддержаніи Магдебургскихъ правъ целовальниковъ, хлѣбниковъ, слесарей и сапожников г. Бреста 1592 г. // Акты, издаваемые археографическою комиссіею, высочайше учрежденною въ Вильнѣ. Вильно, 1875. Т. VIII : Акты Виленскаго гродскаго суда.
35. Рогачевскій А. Л. Очерки по истории права Пруссии XIII–XVII вв. : по материаламъ рукоп. собр. Берлина и Санкт-Петербурга. СПб. : Изд-во Юрид. ин-та, 2004.
36. Привилегія короля Сигизмунда III мѣщанамъ Каменца Литовскаго, освобождающая ихъ отъ платежа подводной повинности 1592 г. // Акты, издаваемые археографическою комиссіею, высочайше учрежденною въ Вильнѣ. Вильно, 1867. Т. II : Акты Брестскаго земскаго суда.
37. Листъ Мещанину Дорогицкому Станиславу Яновичу на войтовство Городеньское 1522 г. // Малиновскій И. Сборникъ материаловъ, относящихся къ исторіи пановъ-рады Великаго княжества Литовскаго. Томскъ, 1901.
38. Любавскій М. К. Очеркъ исторіи Литовско-Русскаго государства до Люблинской уніи включительно. Съ приложеніемъ текста хартій, выданныхъ Великому князству Литовскому и его областямъ. 2-е изд. М., 1915.
39. Универсалъ Сигизмунда Августа о присоединеніи земли Волинской къ коронѣ Польской 1569 г. // Архивъ юго-западной Россіи, издаваемый временною комиссіею для разбора древнихъ актовъ, высочайше учрежденною при Кіевскомъ Военномъ, Подольскомъ и Волинскомъ Генераль-Губернаторѣ. Кіевъ, 1861. Ч. 2, т. I.

References

1. The treaty establishing the Union state 2000. *Ross. gazeta*. 2000. 29 January. P. 2 (in Russ.).
2. Kiseleva A. V., Nesterenko A. V. *Teoriya federalizma* [Theory of federalism]. Moscow : Publ. house of Moscow Univ., 2002 (in Russ.).
3. Ivannikov I. A. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of state and law]. Rostov-on-Don : Publ. house of Rostovsky Univ., 2001 (in Russ.).
4. Korkunov N. M. *Russkoe gosudarstvennoe pravo* [Russian state law]. 8th ed. Saint Petersburg, 1914. Vol. 1 : Introduction and General part (in Russ.).
5. Leontovich F. I. *Drevnee khrovato-dalmatinskoe zakonodatel'stvo* [Ancient Croat-Dalmatian legislation]. Odessa, 1868 (in Russ.).
6. [Chronicle of Pope Dukljanina]. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus6/Dukljanin/frametext.htm> (date of access: 01.12.2016) (in Russ.).
7. Ziegel' F. F. [History of Slavic legislation : a course of lectures delivered in the Imperial University of Warsaw, 1913–1914] : in 2 parts. Warsaw, 1914. Part 1: [The history of Czech law] ; part 2 [History of Polish law] (in Russ.).
8. Policy Statute (XV century). In: Seregin A. V. *Sobranie pamyatnikov drevneslavianskogo prava* [The Collection of monuments of ancient Slavic law] : in 4 vols. Rostov-on-Don : Publ. house of Southern Federal Univ., 2014. Vol. III : *Srednevekovoe zakonodatel'stvo yuzhnykh slavyan* [The medieval legislation of the South Slavs] (in Russ.).

9. Smirnov I. Oчерk istorii khovratskogo gosudarstva do podchineniya ego ugorskoi koronѣ [Sketch of the history of the Croatian state to its subordination to the Germanic crown]. Kazan, 1879 (in Russ.).
10. Thomas Split. [The Story of the Archbishops Salons and Split]. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus8/Split/frame-text3.htm> (date of access: 01.12.2016) (in Russ.).
11. Grot K. Iz istorii Ugrii i Slavyanstva v XII veke (1141–1173) [From the history Ugri and the Slavs unto XII century (1141–1173)]. Warsaw, 1889 (in Russ.).
12. [Hungarian archival vault]. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Chr_Hung_Pictum/framitext1.htm (date of access: 15.12.2016) (in Russ.).
13. Istoriya gosudarstva i prava slavyanskikh narodov [History of state and law of Slavic peoples]. Moscow : Novoe znanie, 2004 (in Russ.).
14. Ermolovich V. I. Inheritance under the will in the law of the Ancient world and of medieval Europe. *J. Belarus. State Univ. Law.* 2017. No. 1. P. 3–13 (in Russ.).
15. Vinaver M. M. Izsledovanie pamyatnika pol'skago obychnago prava XIII veka, napisannago na nemetskom yazyke. Vopros o proiskhozhdenii i sistematicheskoe izlozhenie soderzhaniya [A study of the monument of the Polish customary law of XIII century is written in German. The question of the origin and systematic presentation of the content]. Warsaw : Print. house of K. Kovalevsky, 1888 (in Russ.).
16. [Polish Truth of the XIII century]. In: Seregin A. V. *Sobranie pamyatnikov drevneslavyanskogo prava* [Collection of monuments of ancient Slavic law] : in 4 vols. Rostov-on-Don : Publ. house of Southern Federal Univ., 2014. Vol. IV : Srednevekovo zakonodatel'stvo zapadnykh slavyan [The Medieval law of Western Slavs] (in Russ.).
17. Dunin K. [Mazovetska law] : master's thesis. Warsaw, 1876. Part I : [Introduction, state, civil and criminal law] (in Russ.).
18. Dovnar T. I. [Stages and particular qualities in the development of the legislation of the Grand Duchy of Lithuania]. *Aktual'nye problemy teorii i istorii pravovoi sistemy obshchestva* : collect. of sci. works. Yaroslavl : Yarosl. State Univ., 2015. Issue 14. P. 46–73 (in Russ.).
19. Yukho I. A. Krauska Union. *Pomniki gistoryi i kul'tury Belarusi* [Monuments of history and culture of Belarus]. 1985. No. 4. P. 34–39 (in Belarus.).
20. Yukho J. [The Union of the Grand Duchy of Lithuania with Poland]. *Polymja.* 1972. No. 1. P. 207–226 (in Belarus.).
21. Yukho J. A. [International treaties of the medieval Belarus]. *Belaruskii gistorychny chasopis.* 2004. No. 11. P. 3–11 (in Belarus.).
22. Lyubawskii M. K. Litovsko-Russkii seim [Lithuanian-Russian Parliament]. Moscow, 1901 (in Russ.).
23. Lyubawskii M. K. Oblastnoe delenie i mestnoe upravlenie Litovsko-Russkago gosudarstva ko vremeni izdaniya pervago litovskago statuta [Regional division and local management of the Lithuanian-Russian state at the time of the publication of the first Lithuanian Statute]. Moscow : Publ. house of Moscow Univ., 1892 (in Russ.).
24. Seregin A. V. Yuridicheskoe issledovanie gosudarstva i prava Drevnei Rusi [Legal research of state and law of Ancient Russia] : monograph. Rostov-on-Don : Publ. house of Southern Fed. Univ., 2014 (in Russ.).
25. [Privilege pan Mikolaj of Nikolaevichu Radvilovich on the province of Vilna and canterto great Lithuanian knyazstva to belly it sweet, 1510]. In: Malinovskii I. *Sbornik materialov, odnosyashchikhsya k istorii panov-rady Velikago Knyazhestva Litovskago* [The collection of materials concerning the history Panov-glad the Grand Duchy of Lithuania]. Tomsk, 1901 (in Russ.).
26. Leontovich F. I. Oчерki istorii Litovsko-Russkogo prava. Obrazovanie territorii litovskogo gosudarstva [Essays on the history of Lithuanian-Russian law. The formation of the Lithuanian state]. Saint Petersburg, 1894 (in Russ.).
27. [Privilege 1565 on the introduction of the Zemstvo Sadovy and County of the regional councils on the Polish model]. In: Lubawski M. K. *Oчерk istorii Litovsko-Russkogo gosudarstva do Lyublinskoi unii vklyuchitel'no. S prilozheniem teksta khartii, vydannykh Velikomu knyazhestvu Litovskomu i ego oblastyam* [History Essay of the Lithuanian-Russian state up to the Union of Lublin, inclusive. With the application of the text of the charters issued by the Grand Duchy of Lithuania and its regions]. 2nd ed. Moscow, 1915 (in Russ.).
28. [Privilege Mr. Peter S. on castellastva Truckee, 1532]. In: Malinovskii I. *Sbornik materialov, odnosyashchikhsya k istorii panov-rady Velikago Knyazhestva Litovskago* [The collection of materials concerning the history Panov-glad the Grand Duchy of Lithuania]. Tomsk, 1901 (in Russ.).
29. [Privilege pan Idoru Anusavice in Vilnius and Lutsk, Volyn marszalkowska the earth to the belly of his, 1507]. In: Malinovskii I. *Sbornik materialov, odnosyashchikhsya k istorii panov-rady Velikago Knyazhestva Litovskago* [The collection of materials concerning the history Panov-glad the Grand Duchy of Lithuania]. Tomsk, 1901 (in Russ.).
30. [Privilege Mr. Peter S. on eldership Gomeisae, 1532]. In: Malinovskii I. *Sbornik materialov, odnosyashchikhsya k istorii panov-rady Velikago Knyazhestva Litovskago* [The collection of materials concerning the history Panov-glad the Grand Duchy of Lithuania]. Tomsk, 1901 (in Russ.).
31. [Kulska diploma. Second edition (October 1, 1251)]. In: Rogachevskii A. L. *Oчерki po istorii prava Prussii XIII–XVII vv.* [Essays on the history of the right Prussia in the XIII–XVII centuries] : on materials of the manuscript collections of Berlin and Saint Petersburg. Saint Petersburg, 2004 (in Russ.).
32. [Record of Magdeburg law XIV century]. URL: www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Germany/XIV/Magdeburg_recht/text.phtml?id=5769 (date of access: 27.04.2017) (in Russ.).
33. [The privilege of king Stephen, the city of Polotsk Magdeburg rights, 1591]. *Akty, izdavaemye arkheograficheskoyu kommissieyu, vysochaishe uchrezhdennoyu v Vil'ne* [Acts published by the archeological Commission established by his Majesty unto Viln]. Vilno, 1875. Vol. VIII : [Acts of Vilnius city court] (in Russ.).
34. [Universal king Sigismund III of the preservation and maintenance of Magdeburg prav it Tselovalnikov, lubricity, Locksmiths and shoemakers Brest, 1592]. *Akty, izdavaemye arkheograficheskoyu kommissieyu, vysochaishe uchrezhdennoyu v Vil'ne* [Acts published by the archeological Commission established by his Majesty unto Viln]. Vilno, 1875. Vol. VIII : [Acts of Vilnius city court] (in Russ.).
35. Rogachevskii A. L. Oчерki po istorii prava Prussii XIII–XVII vv. [Essays on the history of the right Prussia in the XIII–XVII centuries] : on materials of the manuscript collections of Berlin and Saint Petersburg. Saint Petersburg : Publ. house of the Legal Inst., 2004 (in Russ.).

36. [The privilege of king Sigismund III of the commoners of Kamenets of Lithuania, ih exempting from the payment of submarine service, 1592]. *Akty, izdavaemye arkhograficheskoyu kommissieyu, vysochaishe uchrezhdennoyu v Vil'ne* [Acts published by the archeological Commission established by his Majesty unto Viln]. Vilno, 1867. Vol. II : [Acts of the Brest court of the land] (in Russ.).

37. [The Tradesman Doroginka Stanislav Yanovich on wojtostwo Gorodetskoe, 1522]. In: Malinovskii I. *Sbornik materialov, odnosyashchikhsya k istorii panov-rady Velikago knyazhestva Litovskago* [The collection of materials concerning the history Panov-glad the Grand Duchy of Lithuania]. Tomsk, 1901 (in Russ.).

38. Lubawski M. K. *Oчерк istorii Litovsko-Russkogo gosudarstva do Lyublinskoi unii vklyuchitel'no. S prilozheniem teksta khartii, vydannykh Velikomu knyazhestvu Litovskomu i ego oblastyam* [Sketch of the history of Lithuanian-Russian state up to the Union of Lublin, inclusive. With the application of the text of the charters issued by the Grand Duchy of Lithuania and its regions]. 2nd ed. Moscow, 1915 (in Russ.).

39. [Universal Sigismund August on joining the land of Volyn KB the Polish crown in 1569]. *Arkhiv yugozapadnoi Rossii, izdavaemyi vremennoyu kommissieyu dlya razbore drevnikh aktov, vysochaishe uchrezhdennoyu pri Kievskom Voennom, Podol'skom i Volynskom General-Gubernatore* [Archives of southwestern Russia issued temporarily by the Commission for the analysis drevniy acts, his Majesty established at the Kyiv Voennom, Podolsky and Volynskoy the Governor-General]. Kiev, 1861. Part 2, vol. I (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 22.12.2017.
Received by editorial board 22.12.2017.